

Михаил Карусаттва
Домик у моря

Из цикла «Рассказы в стиле Дзен»

Михаил Карусаттва

**Домик у моря. Из цикла
«Рассказы в стиле дзен»**

«Издательские решения»

Карусаттва М.

Домик у моря. Из цикла «Рассказы в стиле дзен» /
М. Карусаттва — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-566799-1

Когда одна мечта объединяет многих людей, не повод ли это задуматься, а является ли она мечтой? В фантастическом философском рассказе мы попытаемся ответить на этот вопрос. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-566799-1

© Карусаттва М.
© Издательские решения

Содержание

СКАЗКИ	6
ЭЛЕ-ФАНТИК	7
Большие уши	7
Ураган Бык	9
Сражение на диком пляже	11
Гнездо колибри	13
Голоса ракушек	15
Шхуна «Параундир»	17
Смытая команда	19
Банановая ночь	20
Слон из птичьего семейства	21
Тринадцатый прощёный	23
Замбулидор	25
Логово Быка	26
Панамкинцы	28
В бочке затычка	30
Проращивание мыслей	31
Пещерный бой	33
Трибуна	35
Кухарь-ухарь-моторист	37
Последний привет	38
Пупки земные и небесные	39
Их не ждали	40
Мытьё ушей	41
Кабачок и морковка	42
Куда глаза глядят	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Сказки

Александр Дорофеев

Дизайнер обложки Мария Ленская

© Александр Дорофеев, 2023

© Мария Ленская, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-0060-6099-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СКАЗКИ

ЭЛЕ-ФАНТИК

*Удивительные морские и сухопутные
приключения с героическими подвигами и страстной любовью*

Большие уши

В тихом приморском городе Панамка жила счастливая семья. Пожалуй, в таких тихих приморских городах все семьи должны быть счастливы. Да не у всех, к сожалению, получается.

Даже счастливая семья, о которой речь, переживала неприятные минуты, поскольку очень отличалась от остальных семей этого города.

Пора уже сказать, что это семья слонов. То есть папа – слон по имени Ваня. Мама – слониха, которую все звали Толстушка. И сынишка – слонёнок Эле-Фантик.

Как они очутились в тихом приморском городе – кто знает? Возможно, один господин по фамилии Белуга. Но, в общем, такое впечатление, что они жили тут всегда – ещё с тех времён, когда Панамку основали их далёкие предки мамонты.

Папа Ваня за вечерним салатом частенько рассказывал, что в пору его детства слонов здесь было до тесноты. И первым градоначальником – конечно, слон Грандулон.

В городе еще сохранились широколистные слоновьи пальмы юбеи, из сока которых можно готовить прекрасное вино, огромные дома с колонами, триумфальные арки и памятник Грандулону. Правда, с отвалившимися бивнями, хоботом и ушами он напоминал странное создание – то ли корову, то ли свинью небывалых размеров.

Впрочем, так всегда бывает – уходят одни народы, на их место приходят другие. Новые памятники, новые градоправители. Это и не плохо, и не хорошо – просто жизнь и течение времени.

Словом, в наши дни в городе Панамка осталась последняя семья настоящих слонов – длинные хоботы, ноги столбами, уши лопухами. Особенно у Эле-Фантика уши хоть куда! Папа Ваня говорил, шутя, что в такие-то не грех завернуть по пуду ирисок.

Когда подходило время сна, Эле-Фантик на одно ухо ложился, а другим укрывался и, мечтая о спелых фигах да об ирисках, быстро засыпал. Мама обычно звала его Эле, а папа – Фунтиком. Но он уже и не слышал их пожеланий спокойной ночи.

Это было очень кстати, что у слонёнка такие большие спальные уши. Семья жила довольно бедно. Не то чтобы диван, а и раскладушку не на что купить. Не говоря уж об ирисках.

Мама с папой вообще спали стоя, подпирая друг друга, чтобы не рухнуть.

Конечно, папа Ваня служил по договору в городской пожарной команде, но его вызывали крайне редко – только когда шланги протекали, и без хобота не обойтись.

Мама Толстушка работала дворничихой и целыми днями мела пыль по двору – из конца в конец. Она трудилась добросовестно, так что метёлки из пальмовых листьев приходилось менять каждые полчаса, хотя дворик был маленький.

Жильцов раздражало это вечное взбивание пыли и сама дворничиха Толстушка. «Ни пройти, ни проехать, – писали они жалобы. – Метёлки исчезают не по дням, а по часам. А фиговое дерево, что в центре двора, чуть поспеет, уже пустое. Не можем утверждать, но это дворничиха всё обрывает, ей сподручней».

Платили маме Толстушке мало, вычитая стоимость метёлок, и каждый месяц обещали уволить, или – ещё обиднее – сократить.

А Эле-Фантик слонялся в основном по дикому пляжу, собирая ракушки на продажу. В школу его не принимали из-за размеров и внешнего, излишне ушастого, вида. Иногда он

подрабатывал на местной пристани, поднося тюки и чемоданы. Однако настоящие носильщики бывали недовольны, гнали, грозясь надрать уши всей бригадой, и дали не очень справедливое прозвище – «В каждой бочке затычка».

Может быть, странно называть эту семью счастливой. Вроде кругом неприятности. Но семья слонов – папа Ваня, мама Толстушка и сынок Эле-Фантик – в самом деле была счастлива, потому что очень любили друг друга. А когда есть любовь, совершенно не важны и даже безразличны всякие диваны, раскладушки, ириски, жалобы соседей по двору и угрозы носильщиков. Когда есть любовь, достаточно воды и хлеба. Ну, ещё метёлка из пальмовых листьев и фиги на десерт, если, конечно, поспели.

А если рядом море, и солнце встаёт каждый день, – это уже полное счастье и благополучие.

Ураган Бык

Были три месяца в году, когда на город Панамка налетал ураган. Всегда один и тот же. Ему издавна дали имя Бык.

Во времена слонов и градоначальника Грандулона ураган был ещё маленьким и вёл себя скромно, как и подобает телёнку, – тербил кокосовые пальмы, пощипывал травку, изредка топтал цветы на клумбах. Его не принимали всерьёз.

Теперь же ураган Бык распоясался. Как целое буйное стадо, врвался внезапно на улицы Панамки, и всё сокрушал на пути, ломая деревья, унося крыши, газетные киоски и фонарные столбы. Если подворачивался зазевавшийся прохожий, прихватывал и его впридачу. Каждый год в Панамке не досчитывались горожан, унесённых неведомо куда.

Так исчезла пара носильщиков с чужими чемоданами, несколько постовых регулировщиков, призывный горький свист которых долго слышался в тёмном небе среди грозowych туч, и продавец горячих сосисок по кличке Бультерьер.

Их, конечно, искали. Новый градоначальник господин Белуга учредил специальную команду. Но только однажды она вышла на след из сосисок, оборвавшийся, к сожалению, на морском берегу.

Градоначальник Белуга был добрым человеком и немножко мягкохарактерным. Например, на серьёзных совещаниях, когда требовалось метать гром и молнии, он застенчиво метал икру. В хорошем настроении – красную, в плохом – чёрную. Её быстро консервировали, и она поддерживала благосостояние города Панамка – разбивали новые парки и скверы с фонтанами, возводили через каждые сто метров триумфальные арки, монументы великим людям и красивые особняки. У самого господина Белуги дом был как полная чаша, которая даже слегка расплёскивалась, так что пришлось пристроить под него блюдечко, чтобы ничего даром не утекало.

Но с ураганом не могли совладать. Он как будто чувствовал, что в этом тихом приморском городке может вытворять, чего душе угодно. А норы у него были вполне бандитский. Однажды попытался утащить маму Толстушку – да не тут-то было! Мама навешала ему подзатыльников свежей метёлкой, и ураган Бык так надорвался и унился, что надолго куда-то запропастился. Видно, отлёживался и копил силы в потаённых тупичках нашего мира.

Никто, впрочем, не отметил смелость и решительность мамы Толстушки. Попросту, как водится, забыли об урагане, полагая, что он выбрал новое место для разбоя, оставив Панамку в покое.

Миновал уже год, когда тихим и благостным солнечным днём слонёнок Эле-Фантик бродил по дикому пляжу. Он набрал целое ожерелье ракушек – витых и перламутровых, напоминавших окаменевшие морские уши, которые знают все подводные слухи и прогноз погоды на ближайшие сутки. Ракушки шептали чего-то, перебивая друг друга, глухими взволнованными голосами, но слонёнок никак не мог разобрать, о чём речь.

Он бывал рассеян, когда за ним на пляж увязывалась дочка нынешнего градоначальника Белуги. Хорошая, милая девочка Маруся. Хотя с некоторыми причудами, унаследованными от папы.

Как другие девочки любят и собирают кукол, так Маруся собирала диваны. Каких только у неё не было, на любой вкус – плюшевые, бархатные, сатиновые и кожаные. В виде львов, крокодилов, черепах, медведей, кроликов и коров, на которых она по очереди играла и спала.

Однако когда есть всё, обязательно чего-нибудь да не хватает. И Маруся просто страдала, что у неё нет дивана-слона, с настоящим длинным хоботом и большими неподдельными ушами. Она почти влюбилась в Эле-Фантика, как в чудо природы, как в небывалый, живой и ходячий, диван, который бы так подошёл для её гостиной.

– Эле! – нежно приговаривала она. – Ф-а-а-а-нтик! – И часами могла брести за ним по пляжу, безумно утомляя трёх своих телохранителей, отягощённых револьверами, бронежилетами, чёрными шерстяными костюмами и раскладушкой, на случай привала.

Они держались из последних сил, на краю пропасти солнечного удара, мечтая искупаться и призывая хотя бы лёгкий дождик.

И вот внезапно пробежал по берегу, будто козлик, играючи, влажный ветерок. Ожерелье ракушек на груди Эле-Фантика загудело тревожным хором – ура-а-аг-г-г-а-а-ан-н! Но было поздно. Из-за горизонта стремительно наваливалась лобастая рогатая башка урагана по имени Бык.

Он где-то хорошо отдохнул, набрался сил и был готов на чудовищные, сокрушительные поступки. Он урчал, хрипел и рокотал, вспенивая море. Весь чёрный, с огненными кривыми копытами, бившими по волнам. Он скакал по прямой, как и положено Быку. Именно туда, где замерли Эле-Фантик с ракушками, перепуганная Маруся, присевшая на песок, и три телохранителя, схоронившиеся за раскладушкой с револьверами на изготовке.

Сражение на диком пляже

Ураган Бык сразу прикинул, что со слонёнком не стоит связываться – лишняя трата сил и времени. Куда разумнее похитить девчонку и трёх болванов с раскладушкой. Это будет поучительно для всего города Панамка, который слишком долго пребывал в расслабленной неге.

Прыгая по крутым волнам, ураган Бык через мгновение достиг берега, закрутив там и сям песчаные смерчи.

Телохранители открыли пальбу из револьверов и даже из раскладушки, оказавшейся по совместительству гранатомётом. Они были отважны и метки, но слишком уж верили в силу оружия, которая, если честно, ничтожна перед силами природы. Ураган Бык приподнял их, закрутил, стягивая костюмы и бронежилеты, и так боднул, что телохранители исчезли в чёрных заволоченных небесах, не успев моргнуть, будто кирпичи в омуте.

Девочка Маруся, единственная дочка градоначальника Белуги, осталась одна перед огромным, свирепым ураганом. В отличие от её папы, ураган Бык метал как раз гром и молнии и взбивал копытами песок так, что прибрежные пальмы в ужасе клонились, роняя кокосы. Если ураганы когда-нибудь бывают веселы, то можно сказать, ураган Бык веселился и радовался всем бушующим нутром. Он видел ужас в глазах девочки, которая и пошевелиться не могла, – вся в его власти.

От восторга ураган Бык вроде бы запьянел на миг, и рогатая голова пошла кругом. А когда пришёл в себя, то обнаружил подмену. Была девочка и вдруг – нате вам! – слонёнок. Это, конечно, обидно для любого нормального урагана, а Бык ещё не позабыл своего позора в схватке с мамой Толстушкой.

Однако сейчас-то чувствовал, что его ураганных сил предостаточно, чтобы расправиться с этим слонёнком, который бесспорно какой-то родственник той слонихи с метлой, – такой же упрямый лоб, хобот, закрученный кренделем, и растопыренные ноги, как пальмовые стволы. Правда, всё меньших размеров. Только уши огромные.

Ураган Бык, как бывалый разбойник, понял, куда нанести удар.

А Эле-Фантик, загораживая девочку Марусю, толком и не знал, чего делать. У него совсем не было опыта сражений с ураганами. Единственное, что он мог, это побеседовать сам с собой, то есть Эле советовался с Фантиком.

«Вообразим себя высокой и могучей крепостной стеной», – предложил Эле. «Или скалой, – придумал Фантик, – о которую любой ураган расшибётся!»

Но не хватало уверенности. Стена получалась жиденькой, вроде плетня, а скала еле-еле держалась, готовая треснуть и развалиться, будто глиняная.

На всякий случай слонёнок растопырил уши, как противоураганные щиты. Эле растопырил левое. Фантик – правое. Так курица-наседка раскрывает крылья, защищая цыплят от ястреба.

Это оказалось большой ошибкой! Ураган Бык только и поджидал подобной глупости. Сразу ухватил слонёнка за уши и начал трепать их, как корабельные паруса. Влетал в одно. Вылетал из другого, свистя и воя по дороге. В несколько мгновений голова слонёнка опустела, как пустеют улицы города в часы полуденной жары. Хобот бессильно повис, будто дырявый пожарный шланг, каких немало на папиной работе. Ноги подкосились.

Ураган Бык поднатужился и, крепко ухватив слонёнка за уши, приподнял с дикого пляжа. Крутанул в воздухе, чтобы окончательно сбить с толку, и потащил невысоко над волнами в открытый океан – прочь от тихой родной Панамки, от папы Вани, от мамы Толстушки, от девочки Маруси.

Маруся одна осталась на берегу. У ног лежало ожерелье из ракушек, которые всхлипывали и горько лепетали.

Море успокоилось, выглянуло солнце, и всё было бы, как прежде, если б не тяжёлая тоска на сердце у Маруси. В душе вздымались волны, ревел чёрный ураганный ветер, а там, где было место Эле-Фантика, образовалась нестерпимая, как бездонная пропасть, пустота.

Маруся подобрала шелестящее ракушечное ожерелье и побрела домой. Впервые в жизни она поняла, что влюблена и несчастна, поскольку возлюбленного её и спасителя уволокли в незнамо какие края. А может, вообще утопили или разбили об острые рифы.

– Эле, – шептала она, – Ф-а-а-а-н-т-и-и-к...

Но только песок шуршал под ногами, и жалобно причитали ракушки.

Гнездо колибри

Тащить слонёнка было тяжело и как-то бессмысленно, и ураган Бык бросил его на островке посреди океана.

Первое, что ощутил Эле-Фантик, очнувшись, – это полная пустота в голове. Ураган нарочно выдул-вымел из неё всё, что мог, – все пять кило памяти. Там было так пусто, как на этом необитаемом острове.

Хотя на острове всё же росли деревья и кусты. А в голове ровным счётом ничего не росло – ни кустика воспоминаний, ни травинки мыслей. Слонёнок начисто позабыл, кто он такой и откуда.

Однако надо было начинать новую жизнь, и Эле-Фантик прошёлся от берега до берега, насчитав тридцать с половиной шагов. Значит, цифры каким-то образом зацепились в голове, будто подушечка, утыканная швейными иглами. Он решил посчитать пальмы, но сбился после сотни.

Вообще от растительности было тесно. Пальмы толкались, а гигантские травяные кусты роняли жёлтые продолговатые гроздья. Эле-Фантик попробовал – оказались такими сладкими, что напомнили о далекой жизни в тихом городке, о спелых фигах, о мечтах об ирисках.

«Как он назывался этот городок?» – припоминал Эле.

«Канавка что ли? – подсказал Фантик. – Или Помадка».

«А может, Лошадка?» – сомневался Эле.

Воспоминания утомили, и Эле-Фантик заснул, прислонившись к пальме.

И сразу увидел белые дикие горы и высоченный колючий лес, из которого вылез огромный рыжий и лохматый дядька с кривыми бивнями. Такой только и может присниться в совершенно пустой голове. «Вероятно, ты мой дедушка?» – спросил Эле-Фантик. Но рыжий не отвечал. Задрал к небу шланг, похожий на ржавую водосточную трубу, и протяжно загудел, а потом и свистнул в самое ухо. Эле-Фантик успел подумать: «Это, верно, дядька мамонт, по маминой линии. Кажется, его звали Грандулон». И проснулся.

Солнце, как опрокинутая золотая миска, уже высунулось из океана. А над слонёнком порхала пара птичек, величиной со стрекоз. Изюм всех сил они трепетали крыльями – казалось, вот-вот упадут. Слонёнок сорвал ветку мимозы и поставил, чтобы отдохнули.

Та, что поменьше, присела и сказала:

– Я Куки. А вот этот – мой мужёнок Паки. Мы собственно колибри, и это наш остров, – щебетала она без умолку. – Всегда думала, что крупнее Паки нет на свете, пока тебя не увидела!

– Да, – вмешался Паки. – Ты очень велик, приятель, если не сказать огромен!

– И очень непонятен, – продолжила Куки. – Мы видели, как ты прилетел на остров, но птицей тебя не назовёшь. Где клюв? Где крылья и перья? Где, наконец, хвост!?

– Пожалуй, я не птица, – согласился Эле-Фантик. – По всем признакам, кто-то другой.

– Может, рыба? – предположил умный Паки. – Бывают такие перелётные рыбёшки.

– Погодите-погодите! – воскликнула Куки, перепархивая с мимозы на хобот. – Это что, позвольте, такое? Клюв? Или хвост?

Эле-Фантик совсем растерялся:

– Знаете ли, ребята, позабыл... То ли хвобот, то ли снобот... А может, хвостонос? – И тут припомнил, как засвистал во сне рыжий лохматый дядька. – Это вроде дудки! – обрадовался слонёнок. – Для свиста и гудения.

Он поднял хобот и так дунул-затрубил, что с травяных кустов посыпались жёлтые гроздья, океан взволновался, а Куки с Паки успели укрыться в ушах слонёнка.

– Можно мы здесь поживём? – высунулась Куки, когда музыка стихла. – Ураган Бык разрушил наше гнездо, хоть Паки и сражался, как орёл.

Эле-Фантик почувствовал себя сильным и взрослым дядькой, вроде того, что видел во сне.

– Устраивайтесь, ребята, поудобней, – сказал он. – И ничего не бойтесь – там у меня надёжно.

– Это временно! – пискнул Паки, стесняясь. – Я уже начал строить новое гнездо.

– Знаешь ли, – задумчиво сказала Куки, покачивая длинным клювом. – Мы не знаем, кто ты такой. Да это, впрочем, и не так важно. Ты можешь быть, кем пожелаешь! Например, я когда-то была стрекозой, но, увидев Паки, влюбилась без ума, и от страсти превратилась в колибри. Это просто, если сильно захотеть. Правда, Паки?

– Возможно, – уклончиво отвечал Паки. – Но, скорее всего, есть некоторые ограничения из-за размеров. Наш новый друг при всём желании навряд ли превратится в колибри.

– Если натура страстная, можно превратиться, в кого пожелаешь! – настаивала Куки. – И размеры не помеха!

Но было заметно, что Паки вообще-то против каких-либо превращений. Зачем ему соперник на маленьком острове среди океана?

– Пока останусь таким, как есть, – успокоил Эле-Фантик. – А дальше видно будет...

На другой же день Куки, устроившись в ухе Эле-Фантика, снесла пару маленьких яичек. Колибри не мешали слонёнку – так, чуть щекотно от их возни и попискивания. Но и приятно, когда даёшь кому-то приют. «Теперь понятно, кто я такой, – решил, наконец, Эле. – Конечно, не птица и не рыба!» «Теперь совершенно ясно, – согласился Фантик. – Я гнездо колибри, с дудкой для музыки и еды». И он поднимал хобот и трубил на все океанские просторы, а потом закусывал сладкими гроздьями, которые, как сообщила Куки, назывались бананами.

Эле-Фантику казалось, что он родился и всегда жил на этом острове. А Куки и Паки были его семьёй. Лишь иногда смутные воспоминания приплывали во сне – большой слон папа Ваня, слониха по имени Толстушка, обязательно с пальмовой метёлкой, и девочка Маруся, которая улыбалась, приглашая в гости.

Слонёнок просыпался, и всё путалось, уплывало...

Одно он знал совершенно точно – в его правом ухе живут Куки с Паки, ожидающие прибавления семейства.

Как-то ранним утром его разбудила необычная суматоха. Метался Паки, то вылетая, то возвращаясь в ухо. Кричала Куки: «Бездельник! Одним цветочным нектаром сыт не будешь! Где мошки, мухи, комары?! Живо на охоту!»

Среди гомона и суеты слонёнок различил новые писклявые голосочки. Слов не разобрать, но понятно, что требуют побольше пищи. «Пи-щи! Пи-щи!» – так и звенело в ухе.

– Это Фуки и Маки, – коротко объяснила Куки. – Только что вылупились. Будь добр, присмотри за ними! – И упорхнула помогать Паки, ловить мошек да комаров.

Несмотря на переполох, суету и всякое беспокойство, Эле-Фантик очень обрадовался. «Фуки, – шептал Эле. – Маки». «Хорошие птички», – приговаривал Фантик. Слонёнок ощущал себя и папой и мамой. Наверное, именно такие чувства испытывает каждое настоящее гнездо. А уж если оно с дудкой, то чувства становятся музыкой.

– Ф-у-у-у-ки! – трубил слонёнок, сообщая миру о рождении колибри. – Ма-а-а-а-ки!

Он прошёлся от берега до берега, укачивая птенцов, и насчитал всего пятнадцать с половиной шагов. «Что такое? – удивился. – Океан наступает? Или я так подрос?»

Быстро летело время на острове Колибри, и слонёнок Эле-Фантик стал, конечно, уже вдвое больше прежнего, унесённого ураганом.

Куки с Паки подумывали, не пригласить ли в такое огромное гнездо родственников с соседнего островка.

Голоса ракушек

После разбойного нападения урагана Быка градоначальник господин Белуга, недолго подумавши и наметав с полпуда чёрной икры, объявил в Панамке осадное положение.

Все окна забили толстой фанерой. А на улицы разрешалось выходить только с гирями на ногах.

Конечно, градоначальника не столько огорчила пропажа слонёнка Эле-Фантика, сколько исчезновение трёх телохранителей с револьверами и раскладушкой-гранатомётом. Он всецело полагался на них, а в результате его дочка Маруся только чудом уцелела, обхитрив каким-то образом ураган. «Интересно, почему именно так устроено? – размышлял господин Белуга. – При покушениях погибают шофёры, телохранители, посторонние зеваки, а тот, на кого собственно покушались, – цел и невредим, за редкими исключениями. Наверное, сама общественная важность охраняет таких людей от пуль, динамита и ураганов».

Градоначальника настолько потрясла и порадовала эта мысль, что он решил в ближайшие дни выступить перед горожанами на главной площади, и заказал соорудить огромную трибуну – с якорями по четырём углам, на всякий случай. Вообще господин Белуга как-то воодушевился и был готов на самые решительные действия в борьбе с ураганом, хоть и не очень представлял, какие именно. Тревожила его только Маруся, ревевшая целыми днями у забитого фанерой окна и шептавшаяся, как полоумная, с ракушечным ожерельем. «Ничего-ничего. Она потрясена, напугана, но со временем всё пройдёт, – успокаивал себя господин Белуга. – Особо, когда увидит моё бесстрашное выступление с трибуны – это будет настоящая пощёчина урагану Быку».

Градоначальник и предположить не мог, что дочка горюет по слонёнку Эле-Фантику, которого вдруг полюбила – не просто за ушасто-хоботастую чудесность, но за тихую и скромную отвагу. Маруся перебирала в памяти краткие мгновения неравного боя, когда слонёнок заслонил её от верной гибели.

Ракушки, собранные Эле-Фантиком, утешали, как могли. Поспорив и даже переругавшись, они, в конце-то концов, нашептали Марусе, что слонёнок жив и находится, скорее всего, на необитаемом острове. Где этот остров, на какой широте и долготе, ракушки, к сожалению, не могли определить. «Где-то к югу от Северного тропика, – шелестели они, прислушиваясь изо всех сил к морскому прибою. – Знаешь ли, дорогая Маруся, из-за этой чёртовой фанеры ничего не разобрать!»

Маруся тут же распорядилась, и окно распахнули настежь.

– Вот теперь другое дело! – обрадовалась раковина-жемчужница – её ухо было величистой хрустальной салатницей, которую папа Белуга выиграл в молодые годы на соревнованиях по городкам, после чего и стал градоначальником. – Вот теперь ясно, что остров севернее Экватора и западнее Гринвича.

– В районе восьмидесятого меридиана и двадцатой параллели, – уточнила раковина Конча, напоминая театральную суфлёрскую будку.

Маруся не очень-то поняла все эти «мериллели», но записала дословно, и отправилась к папе Белуге, который уже репетировал трибунную речь.

Градоначальник порадовался было, что его девочка не ревёт и, видно, полна решимости. Но по мере разговора выходило так, что Марусина решимость нарушала все его планы на ближайшую неделю – в отношении речи и пощёчины урагану.

Во-первых, возникал слонёнок Эле-Фантик – не заурядная жертва, вроде телохранителей, а герой и спаситель. Во-вторых, безутешные родители, папа Ваня и мама Толстушка, которым господин Белуга уже отправил соболезнования, но теперь явно требовалось нечто боль-

шее, какое-нибудь памятно-почётное утешение. И, в-третьих, – необитаемый остров, неведомо в каких водах.

Господин Белуга никогда не отказывал своей единственной ненаглядной дочке. А в этот раз и при всём желании не смог бы. Маруся нагрязнула, будто маленький, но сокрушительный ураган. Топая ногами, труб коротеньким носом и шевеля ушами, чего раньше за ней не водилось, потребовала немедленно снарядить спасательную экспедицию.

Градоначальник растерялся и заплутал, как в трёх соснах, в этих строгих «во-первых», «во-вторых» и особенно «в-третьих». Не знал, за что ухватиться. И для начала приказал под-ремонттировать памятник мамонту Грандулону, превратив его в монумент слонёнку Эле-Фан-тику. Родителям – папе Ване и маме Толстушке – отправили огромную ванну чёрного мрамора с золотой надписью по борту – «Мойтесь и крепитесь духом».

В местной газете «Панамка набекрень» напечатали рассказ о спасении Маруси, о гибели нерасторопных телохранителей, о неравной битве Эле-Фантика с ураганом Быком, которому, как сообщалось, слонёнок всё же пообломал рога. Так что в ближайшее время, успокаивала газета, ожидается чудная погода, особенно во время трибунной речи господина Белуги, отложенной в связи со снаряжением поискового судна. Слоны теряются крайне редко, говорилось в заключение, поэтому у спасателей нет опыта. Но Эле-Фантика обязательно найдут – живым или мёртвым...

В Панамке сразу пошла мода на слонов. В каждом приличном доме на спинке дивана стояло теперь не менее дюжины слоников – мал, мала меньше – как амулеты от урагана. Молодые люди цепляли на нос шланги – чем толще и длинней, тем шикарней. А к ушам приматывали ветви широколистных пальм или придорожные лопухи.

Каждый почувствовал себя сильным и отважным. И наступили дни всеобщего гулянья и веселья, когда, кажется, народу любое дело по плечу.

Только папа Ваня с мамой Толстушкой сидели дома на краю мраморной ванны, занимавшей всю комнату, и роняли крупные, тяжёлые слёзы на чёрное дно. Они надеялись, что Эле-Фантик жив и здоров, но без него – какая радость? Какое веселье?! Тоска да печаль.

Шхуна «Параундир»

Самым сложным оказался, конечно, третий пункт, на немедленном исполнении которого Маруся особенно настаивала. Шутка сказать – снарядить спасательную экспедицию на какой-то необитаемый остров!

Мореходство, особенно дальнее, не было развито в Панамке – из-за постоянной ураганной опасности. Так, гуляли вблизи берега мелкие яхты и рыболовные баркасы, хоронясь, чуть что, в бухточки и заливы. Но не отправишь же их в открытый океан, на дальние параллели и меридианы.

Правда, в порту стоял один старинный корабль – трёхмачтовая шхуна под звучным именем «Параундир». В названии слышалась военная выправка – и парад, и мундир! Однако на местном языке оно означало совершенно другое, нечто грустное и безысходное, буквально – идти ко дну, тонуть. Действительно, несчастную шхуну уже раз двенадцать поднимали со дна. Ещё хорошо, что тонула она сразу, вблизи берега, далеко не заплывая.

В последние годы на ней, накрепко пришвартованной к причалу, открыли ресторанчик. В таком кулинарном состоянии шхуна чувствовала себя куда как лучше.

Впрочем, других достойных и опытных кораблей в Панамке не имелось. Поэтому зашпаклевали и просмолили днище шхуны, изъяли кухню, занимавшую весь трюм, пошили из скатертей новые паруса в клеточку, и надраили кирпичами медные буквы «Параундир» на борту.

Команду же, недолго подумавши, набрали из официантов. А капитаном назначили шеф-повара Сквороду по прозвищу Гусиные Лапки, который знал шхуну, как свои четыре пальца. Пятый откусила гигантская креветка, когда он готовил салат. «Хороший повар двух капитанов стоит, – говорил Скворода, плосконосый увалень в растоптанных домашних тапочках такого размера, что напоминали ласты с карманами. – „Капитан“ происходит от „питания“. Проще говоря, это тот, кто капитально кушает». – И повар извлёк из одного кармана на тапочке аккуратную котлетку, а из другого – булочку.

Маруся тоже хотела отправиться за Эле-Фантиком, но папа Белуга упёрся: «Дурная примета – девочка на шхуне!» «И на кухне девочка – дурная примета!» – поддакнул Скворода.

– Как же так! Ведь «юнга», например, женского рода! – не унималась Маруся. – Послушайте – «юнга», она!

– Напрасны споры! – крикнул Скворода. – Возможно, вы правы, и «юнга» женского рода, но ручаюсь – каждый из них мальчик по своей природе. «Шхуна», «сковорода» и даже сама «кухня» тоже, кажется, женского, однако по своей природе – мужского. Так уж заведено в этом мире! Поверьте на слово старому прибрежному капитану-шеф-повару.

Так Марусю и не взяли на борт. Ей было ужасно досадно, что почти всё вокруг мужского рода по своей природе. Даже её папа Белуга.

– Отчаливайте на рассвете! – распорядился градоначальник. – Найти слонёнка по имени Эле-Фантик – вот задача! По некоторым сведениям он сидит на необитаемом острове. Запишите координаты! То есть, чтобы понятнее, – адрес. А если угодно, – рецепт или меню...

«Эх, мен-ю-ю-ю», – вздыхали официанты. «Реце-е-е-пт!» – смахивал тайком слезу шеф-повар. От мирной ресторанной жизни на шхуне «Параундир» мало чего осталось. Господин Белуга присвоил всем новые звания – «матрофицанты», а Скворода стал окончательно Гусиными Лапками – «кокпитаном первого ранга».

Только паруса в клеточку, на которых матрофицанты с утра до вечера резались в морской бой, напоминали о прежних счастливых днях. Да ещё огромная кухонная мясорубка – с её помощью младший кухарь Чумичка поднимал и опускал паруса. Уж так ему нравилось крутить ручку, наматывая и разматывая снасти! Ни на минуту не бросал этого занятия, и очень тревожил остальную команду и саму шхуну «Параундир».

– Что за винегрет?! – воскликнул, наконец, кокпитан. – Отставить это и всё остальное! Сидеть тихо! Ничего не трогать!

Гусиные Лапки, конечно, не слишком-то разобрался в кораблевождении, – в парусах, в шпангоутах и такелаже, в параллелях и меридианах, корму путал с носом, – зато полностью доверял своей шхуне. Она это чувствовала и неустанно прыгала с одной океанской волны на другую, разыскивая остров со слонёнком. Старалась изо всех сил, думая, как хорошо будет вернуться в Панамку, пришвартоваться, бросить якорь, и вести тихую жизнь с кухней в трюме. У каждого корабля свои мечты.

Смытая команда

Выйдя в район восьмидесятого градуса долготы и двадцатого широты, рассекая килем параллели и прижимаясь бортами к меридианам, шхуна «Параундир» рыскала, будто охотничий пёс среди высоких трав в поисках птицы. Однако нужный остров, словно нарочно прятался в волнах, как куропатка на лугу.

Кокпитан озирает окрестности через решето, а ночами сквозь дуршлаг, и в каждой дырочке видел по острову. Да всё не те! Так, дюжина кокосовых пальм среди белого песка, и ничего более! Но на каждый для проверки высаживались матрофицанты.

Высадятся пятеро, а вернутся четверо. Высадятся трое, а вернутся двое. Кокпитан не сразу это заметил – у него и без того забот хватало. Он обдумывал рецепт нового пирога без начинки под названием «Необитаемый остров». Когда на шхуне стало совсем пустынно, – только младший кухарь Чумичка со своей мясорубкой попадался на глаза – кокпитан Гусиные Лапки заинтересовался, где все.

– Куда попрятались? – бормотал, осматривая укромные уголки, заглядывая в сундуки, в рундуки и даже в карманы на своих тапочках. – Что за винегрет с капустой?!

Наткнувшись в который раз всё на того же кухаря Чумичку, прочищавшего мясорубку, как пушку, шомполом, кокпитан устало присел у руля, который называл по-свойски – рулетом.

– Давайте размышлять, – предложил он. – Урагана не было! Или был?

– Никак нет! – отвечал Чумичка.

– Значит, волной не могло смыть! Или могло?

Кухарь Чумичка живо согласился – Никак нет! – Видно было, что ему очень нравилось размышлять.

– Так чем же их смыло?! – рывкнул кокпитан, разворачивая рулет на сто восемьдесят градусов. – Или сами смылись?!

– Никак да! Смылись! Сами!

Из сбивчивой речи младшего кухаря выходило, что матрофицанты, изнывавшие от безделья, – сказано, сидеть тихо! ничего не трогать! – оставались на необитаемых островах. По одному на остров.

– Зачем?! Что там делать?! – не понимал Гусиные Лапки. – Все дезертиры?!

– Никак нет! Они собираются открыть свои собственные ресторанчики, – объяснил Чумичка. – Если поразмыслить, они – герои!

Кокпитан потихоньку завернул рулет обратно. «Моя школа, – думал он. – Такой командой можно гордиться!»

Банановая ночь

Как-то ранним утром шхуна проходила в миле от крохотного островка, последнего в этом районе океана. В дуршлаг можно было разглядеть заросли высоченных банановых трав.

Кокпитан Гусиные Лапки уже решил не обследовать остров, опасаясь лишиться младшего кухаря Чумички, как вдруг над океаном пронёсся трубный рёв. Пришлось спустить шлюпку – надо же выяснить, чего это такой маленький остров трубит, как здоровенный пароход.

– Не беспокойтесь, шеф, – говорил, отчаливая, Чумичка. – Я от мясорубки – никуда. Никак нет! Только осмотрюсь, и обратно!

Однако день угасал, солнце висело в двух пальцах от океана, а Чумичка не возвращался.

Наступила субтропическая ночь, когда только по звёздам можно различить две бездны – небесную и океанскую. Да и в океане, впрочем, вспыхивали неясные созвездия и целые млечные пути. Все звуки вроде ушли куда-то. Разве что волна беспокойно и гулко похлёстывала в борт.

Наконец Гусиные Лапки различил плеск вёсел. Шлюпка прижалась к шхуне, и кокпитан отпрянул – впотьмах сверкнули громадные, жёлтые, саблезубые клыки, нацелившиеся откусить голову.

– Шеф, это я – младший кухарь! – послышался голос. – Принимайте фрукты! Чуть не затонул от перегруза.

Чумичка стоял в шлюпке с банановой гроздьёй на голове, будто индейский вождь в пышном плюмаже.

– Провернём через мясорубку – наделаем банановых лепёшек!

– И это все новости? – строго спросил кокпитан. – Доложите обстановку на острове в целом!

– В целом – нормальная, – отвечал Чумичка, поднимаясь на шхуну. – Правда, тесновато!

Много песка, пальм, бананов. А также целое семейство колибри в составе Куки, Паки, Фуки, Маки и ушастого Гнезда, которое смахивает на слона.

– Что?! Сильно смахивает? – насторожился кокпитан. – Не слыхал я о слонах из семейства колибри.

– Да он клялся и божился, что Куки с Паки его родня! – стрекотал Чумичка, перетаскивая бананы в трюм и перескакивая с пятое на десятое. – Засолим в бочках! Я так прямо и спросил – как звать? Запечём в духовке! Не Эле-Фантик ли? Замаринуем и пожарим! Нет, говорит, сколько себя помнит, – Гнездо Колибри. Сварим кисель и варенье! В правом ухе живут Куки с Паки, в левом – Фуки с Маки. А из кожуры – банановую настойку!

Замороженный кокпитан Гусиные Лапки всё же рассудил, что следует побывать на острове. Если Гнездо Колибри хоть мало-мальски напоминает слона, непременно надо доставить его в Панамку, а там – пускай сами разбираются, Эле-Фантик это или кто другой.

Ночь прошла беспокойно. Снились бананы, похожие на слонов. Целые гроздьё и табуны. Младший кухарь то и дело будил, гремя мясорубкой.

А ранним бирюзовым утром, когда луна была уже прозрачна, а солнце едва выглядывало из океана, примериваясь к дневному восхождению, кокпитан спустил шлюпку и погрёб к острову, оставив Чумичку на шхуне освежёвывать бананы.

Слон из птичьего семейства

Кокпитана Гусиные Лапки встретили на берегу Куки с Паки и тут же проводили к Гнезду Колибри, которое завтракало бананами. Несомненно, это был слон! Скорее, огромный слонище! Даже папа Ваня с мамой Толстушкой навряд ли признали в нём Эле-Фантика – так он возмужал, загорел и просолился, плавая вокруг острова.

– Любезный! – обратился кокпитан. – Я к вам с дружеским научным визитом. Обхожу ближайшие острова, проверяю аппетит и вкусы здешнего населения. Вот вы, к примеру, завтракаете, вижу, бананами, а что предпочитаете на обед?

– Бананы, – не задумываясь, ответил Эле-Фантик.

– А на ужин и полдник? – попытался кокпитан.

– Да то же, простите, самое – бананы! – смутился Эле-Фантик. – Тут у нас не из чего выбирать.

– Вот как! – крикнул Гусиные Лапки. – Худо без выбора! Помню, целых три года питался одними гусиными яйцами на необитаемом острове, и поглядите, что вышло. Ступни лапчато-перепончатые – сапоги не подобрать. Нос – плосковатый, вроде клюва. И голос то крикает, то гогочет. Выбор всегда должен быть! И сейчас он прямо перед вами. Есть же рестораны, кафе, столовые и просто забегаловки с прекрасным выбором. Вы, любезный, уже в таких годах, когда надо на мир посмотреть и себя показать. Птички в ушах – прекрасно, благородно. Но это, поверьте, не вся жизнь.

Эле-Фантик задумался – вся или не вся?

– К тому же, – продолжил кокпитан, – вы быстро растёте! Скоро вам на этом островке не развернуться.

– Тогда он превратится в колибри! – выпорхнула откуда-то Куки. – Мы обо всём подумали. У меня есть сестрёнка, увидев которую, он непременно превратится в колибри – от любви и страсти. У нас вообще так принято.

– Охотно верю, – кивнул кокпитан Гусиные Лапки. – Но пока наш друг в облике слона, пускай посмотрит другие острова, другие города и страны, где тоже, между прочим, живут слоны. Ведь он в первую очередь слон, а уж потом – Гнездо Колибри.

Эти слова тронули Эле-Фантика. Особенно в «слоне» оказалось много знакомого, близкого и родного. Он почти вспомнил маму с метёлками и папу-пожарного.

– Хо-о-бо-от, – произнёс нараспев. – Это у меня не хвост и не клюв, не снобот... Это хо-бот!

– Очень приятно! – щебетнула Куки с некоторой обидой. – Все мы тут безумно рады, что это именно хобот! И что дальше? Выходит, если ты слон с хоботом, то мы тебе уже не родня?!

Эле-Фантику, конечно, хотелось бы поглядеть на мир, на других слонов, которые, оказывается, проживают где-то за морями, но как же Куки с Паки и крошки Фуки с Маки. Они лишатся гнезда, надёжного пристанища. Эле-Фантик ждал, что посоветуют колибри.

– А может, это пираты, – шепнул Паки. – Заманят на корабль, а потом продадут в рабство, чтобы работал с утра до ночи.

– Я уже осмотрела шхуну, – вздохнула Куки. – Ничего страшного, если не считать вчерашнего кухаря Чумичку, который солит и маринует наши бананы. И о гнезде не беспокойся – Паки почти закончил прекрасный теремок. Конечно, ты должен посмотреть мир, увидеть других слонов с хоботами. А если что не понравится, возвращайся со следующим ураганом.

«Хорошо сказано, – подумал кокпитан, – да только напрасно об урагане – его только помяни...»

– Мы будем ждать тебя, как самого близкого родственника, – чирикнул Паки не своим голосом. – И вообще ты мне понравился ещё больше, когда я узнал, что ты слон. Красиво звучит – слон! Не хуже колибри.

Они нежно распрощались. Было ясно, что расстаётся любящее птичье семейство. Куки с Паки проводили шлюпку до шхуны. А Фуки с Маки долго пищали с берега.

Кухарь Чумичка поднял паруса, а вместе с ними и бананы, чтобы вялились. И шхуна «Параундир» пошла прямым курсом к городу Панамка, к папе Ване, к маме Толстушке, наплаканным целую мраморную ванну, к девочке Марусе, которая беспрестанно теребила ракушечное ожерелье – нету ли новостей?

Но в голове Эле-Фантика покуда, кроме хобота, ничего, как следует, не проявилось. Он стоял на носу шхуны, вспоминая, как некий Эле беседовал порой с каким-то Фантиком. Кто они такие?

За бортом бежали резвые белые барашки. Они быстро росли, превращаясь в круторогих баранов. Прыгали и бодались, как годовалые бычки.

Небо почернело и сомкнулось вдали с океаном. Именно оттуда выпирала лобастая иссиня-багровая голова, и выглядывал бешеный глаз урагана по имени Бык.

Тринадцатый прощёный

Завидев мрачную башку урагана Быка, шхуна «Параундир» ничуть не смутилась. Напротив, повеселела и раззадорилась. Как только она не обзывала ураган!

– Э-гей! Старая корова! Сколько ни дуйся, всё равно быком не станешь! Погоди-погоди, сейчас хвост накрутим!

И кокпитан Гусиные Лапки с Чумичкой тоже выкаблучивались, кто во что горазд:

– Эй, бык – с копыт брык! Бей быка, что не даёт молока!

К тому же младший кухарь строчил из мясорубки, как из пулемёта, банановой кожурой.

И всё это страшное глумление ураган Бык почему-то терпел. А дело-то было в том, что он топил шхуну «Параундир» ровно двенадцать раз. И тринадцатый – прощёный! Это известно любому никудышному ветерку, самой маленькой ничтожной волне. Таков закон мирового океана! И кто его не исполняет, тому беды не избежать, у того судьба пропадающая.

Ураган Бык ужасно мучался – так хотелось расчихвостить эту жалкую посудину! Он пригляделся бешеным оком и вдруг заметил живого слона, необычайно лопоухого. Сначала-то ураган принял его за резное деревянное украшение, какие порой помещают на носу корабля, на форштевне. Однако теперь понял, что это тот самый слонёнок из города Панамка, в голове которого он так славно прогулялся года полтора назад и выбросил на необитаемый остров. Вот с ним-то, почему бы ни расправиться!?! Никакой закон не запрещает! Нигде не записано, что нельзя топить слонов, – ни в одной газете.

Кстати, не так давно ураган Бык очень удачно посетил город Панамку – как раз во время трибунной речи градоначальника Белуги – и натворил такое безобразие, которому даже газета «Панамка набекрень» не подыскала подходящее имя. В смятении её выпустили под названием просто «Набекрень», и это полнее всего отражало положение в городе.

Ураган прилёг на океанские волны, прицеливаясь, как ловчеее напасть. Надо бы дать шхуне по носу и утащить слонёнка в своё логово, где пригодятся его огромные уши. А саму посудину отогнать к ближайшим рифам и, соблюдая закон, просто посадить на мель.

Ураган подбирался крадучись, не обращая внимания на оскорбления и насмешки.

Эле-Фантик пока ни о чём не догадывался, стоял спокойно, растопырив уши и вытянув хобот по ветру. Это издали он казался всё таким же слонёнком, как при первой встрече. Увы, теперь это был изрядный переросток! Никак не меньше той слонихи с оскорбительной метёлкой. «Навряд ли удастся подхватить и уволочь, – размышлял ураган Бык. – Поступим проще. Смою за борт. Наверняка пойдёт на дно, как мешок с песком!»

До носа шхуны оставалось всего-то сотни три метров. Ураган ударил копытами, поднимая крутые плосколицые волны, которая одна за другой, набирая силу, гулко били в грудь шхуны, так что она удивлённо подсакивала, подпрыгивала каждую секунду, будто отплясывала быстрый предсмертный танец. Шпангоуты стонали, обшивка скрипела. Словом, шхуна «Параундир» привычно для себя собиралась пойти ко дну. Она терпеть не могла штормы, а тем более ураганы, и охотно, покорно тонула, иногда раньше времени – лишь бы кончилась вся эта свистопляска с ветром и волнами. С тоской вспоминала тихую ресторанный жизнь, уютную кухню в трюме. «Сейчас же затону, – думала шхуна, не ожидавшая такой запредельной наглости от урагана Быка. – Назло всем!»

Кокпитан Гусиные Лапки почувствовал эти печальные настроения и побежал было на нос предупредить Эле-Фантика. Но как раз в этот миг подобрался девятый вал и, подстёгиваемый ураганом, рухнул, как девятиэтажный дом, точно на слонёнка – ослепил, оглушил, закрутил в водовороте и снёс за борт, как большой мешок с сахарным песком. Среди пенистых серо-чёрных волн он тут же исчез, будто растворился без остатка.

Ураган Бык внимательно оглядел окрестные воды – ни намёка на слонёнка, – и почти счастливый, свистя, ревя и даже напевая какие-то дикие песни, поволок упирающуюся шхуну к одному секретному меридиану, близ которого располагалось его логово.

Замбулидор

Ни в коем случае нельзя забывать, что Эле-Фантик каждое утро совершал заплывы вокруг острова Колибри. Куки, Паки, а затем и Фуки с Маки оставались на берегу, глядя на своё водоплавающее гнездо и засекая время.

Слонёнок плавал очень быстро. У него был свой неповторимый стиль. Как известно, есть разные – брасс, баттерфляй, кроль, сажёнки, собачий и даже редкий коровий. На местном языке стиль Эле-Фантика назывался – «замбулидор». Звучало красиво, а выглядело ещё краше. Слонёнок стремительно нырял и плыл под водой, выставив наружу только хобот, как перископ подлодки. А грёб и ногами и ушами, развивая крейсерскую скорость.

Смытый девятым валом, Эле-Фантик пристроился в кильватере шхуны, то есть поплыл прямо по пенистому следу за кормой. Надо было, в конце-то концов, придерживаться какого-нибудь направления в безбрежном океане.

Минули сутки, и на исходе вторых слонёнок почувствовал дыхание берега. Веяло горячим песком, прохладными скалами, коралловыми рифами и водорослями. И тут Эле-Фантик едва не задохнулся – на хобот присел уставший пеликан.

– Далеко ли, братишка, до берега? – прогудел слонёнок.

И пеликан, услышав подводный голос, чуть не лишился рассудка. Так среди тамошних пеликанов родилось поверье о Морском Брате – мол, на закате, подглядывая из волн, Он интересуется, соблюдают ли пеликаны законы равенства, братства и справедливости, данные в незапамятные времена их предком птеродактилем.

Замешкавшись с пеликаном, Эле-Фантик отстал от шхуны. И только вновь рванул «замбулидором», как к нему подкралась шайка тигровых акул. Они мелькали вокруг, точно осинный рой. Одна, самая наглая, норовила укусить за ухо. Слонёнок набрал воздуха и нырнул, очутившись под акулами. Состязаться с ними в скорости он, конечно, не мог. Зато первой же из приблизившихся так дал ножицей по морде, что зубы посыпались из открытой пасти, как тыквенные семечки из кулька.

Эле-Фантик и не подозревал за собой способности кулачного бойца. Четырёх акул он отправил в тяжёлый беззубый нокаут, а пятую придушил хоботом так, что у неё образовалась осиная, как говорится, талия. Кажется, акула жужжала, спасаясь бегством.

Пока Эле-Фантик дрался с акулами, опустился на самое дно. Воздуха ещё хватало, плыть надоело, и он побрёл пешком по рифлёному, как стиральная доска, песку. Вскоре поднял хобот и ощутил тёплый, влажный ветер. Увитый с ног до головы толстыми коричневыми водорослями, подобный грозному Левиафану, что правит суд и на земле, и в океане, Эле-Фантик вышел на берег.

Известно, Левиафан – мрачное чудище, сродни, говорят, гигантскому крокодилу. И берег, на котором очутился Эле-Фантик, сразу настораживал левиафанской неприветливостью. Чёрный песок, вроде изрытый огромными копытами. Пальмы с обломанными вершинами, напоминавшие бледные поганки. Да стаи розовошеих, будто только что неумело выбри-тых, стервятников, надменно-воровато бродивших у подножия отвесных скал.

Эле-Фантик присел, отдуваясь, на камень. Да, это место прямо намекало на близкие неприятности. Из песка, полузасыпанные, торчали остовы разбитых кораблей. Стена скал вкривь и вкось изрезана ущельями, из которых то веяло зимней стужей, то тропическим жаром. А небо над скалами было такого цвета, который только и можно определить как гнусный, никак иначе. И всё же следовало осмотреть этот остров или материк – этот потаённый тупичок нашего мира.

Логово Быка

Эле-Фантик поднялся с камня, который успел-таки из вредности, как пемза, натереть ему зад, и двинулся по берегу, надеясь найти кокпитана с младшим кухарем и несчастную шхуну «Параундир», потерянную из вида вблизи этой земли. Неожиданно вышел на тропу, поднимавшуюся к скалам. Она нырнула в ущелье и потянулась вверх, пока не привела к совершенно круглому, как бутылочное горло, входу в пещеру.

Эле-Фантик еле протиснулся. И очутился в тесном сводчатом тоннеле с гладкими отшлифованными стенами. Если б не были так гладки, слонёнок исцарапался бы в кровь – уж очень узок проход. Хотя через несколько шагов он расширился, и впереди появился свет. Именно того гнусного оттенка, что виднелся с берега над скалами.

В одной из стен тоннеля слонёнок приметил нишу, где темнело что-то вроде сундука. Впрочем, он не стал отвлекаться, и метров через сто добрался до конца тоннеля, то есть вышел на каменную площадку, – эдакий балкон без поручней – зависшую над жерлом потухшего вулкана.

Трудно было поверить, но там, внизу, располагалась деревенька – убогие хижины, сложенные кое-как из корабельных, видно, обломков. А между хижин бродили какие-то типы с огромными веерами и опахалами. Эле-Фантик не мог, как следует, разглядеть этих веероносцев, но напоминали они плавленые сырки или варёные сосиски, которые вот-вот размажут или надкусят. В облике их, в самом движении ощущалась такая тоска, что она, пожалуй, и окрашивала здешнее небо в тот гнусный, унылый цвет.

«Невозможно придумать более мрачное сновидение», – подумал Эле-Фантик. Оглядевшись, слонёнок обнаружил вырубленные в скале ступени, ведущие направо и вниз. По ним и спустился в другое ущелье, заваленное совершенно посторонним бараклом. Пришлось перелезть через разбитый газетный киоск с надписью «Панамка набекрень», через груды разтрёпанных, как хризантемы, чемоданов, через исковерканные велосипеды, вспоротые диваны и хромые скамейки, через треснутые черепичные крыши и согнутые пополам уличные фонари. Всё вместе это напоминало разгромленную баррикаду. Не вписывалась сюда только огромная многоместная, трёхпалубная, подобная прогулочному пароходу, хорошо сохранившаяся голубая трибуна, с четырьмя якорями по углам.

Миновав её, слонёнок вышел из ущелья в кратер вулкана. Здесь стояла такая жара, что легко было сообразить – вулкан не потух, а только дремлет, горячо посапывая во сне и выпуская время от времени вонючие газы.

Эле-Фантик принялся обмахиваться ушами. Понятно, почему тут все с веерами и опахалами, иначе невыносимо. Другое трудно понять – в чью голову пришла мысль поселиться здесь и ждать пробуждения вулкана? Это было настолько странно, что Эле, как в былые времена, заговорил с Фантиком. «Может, учёные-вулканологи?» – предположил Эле. «Скорее всего, это какая-то вулканическая секта, – сказал Фантик. – Поджидают извержения, которое вознесёт их на небеса». «Пожалуй, они поклоняются древнему богу Вулкану, – согласился Эле. – Лучше не попадаться им на глаза».

Слонёнок так разговорился и так размахивал ушами, что вздрогнул от хобота до хвоста, увидев перед собой кокпитана Гусиные Лапки и младшего кухаря Чумичку с мясорубкой под мышкой.

– Вот так штука! – весело крякнул кокпитан. – А мы, признаться, думали, что вы – на дне морском! Приятно видеть ваши ясные очи и разумную голову. Мы здесь не более суток, однако уже убедились – с местным населением не о чем толковать. Только загляните в их глаза, любезный! Там туман и вонючие газы! Все они – рабы урагана Быка, – кивнул он в сторону деревеньки.

Было заметно, что на суше, хоть и в жерле вулкана, кокпитан в своей, так сказать, тарелке, или сковороде, как на ресторанной кухне.

– Хорошо, что мы опять все вместе! – говорил он, обмахиваясь тапочкой с двумя карманами. – Плохо, что шхуна «Параундир» выброшена, как дохлая килька, на этот неприятный берег.

– А ведь она так хотела пойти ко дну, – всхлипнул Чумичка.

Кокпитан Гусиные Лапки приподнял ухо Эле-Фантика и горячо, громко зашептал:

– Пока ураган Бык гуляет в океане, надо составить меню! То есть план побега! Иначе мы превратимся в таких же рабов. Пойдёмте, любезный, поглядим на них – это поучительно.

Панамкинцы

В селении, едва ли не на каждом шагу, встречались знакомые лица – все из города Панамка.

Эле-Фантик радовался, что голова его заполняется той памятью, которую вымел когда-то ураган Бык. Он улыбался и кланялся направо-налево – носильщикам, постовым регулировщикам, распаренным, растолстевшим телохранителям, продавцу горячих сосисок, кличку которого покуда не вспомнил. Все они здорово изменились за прошедшее время. Взор заволочен какой-то пеленой, вроде вулканической пылью. А у иных глаза будто окаменели. То есть чего-то видели, но не очень замечали. Вообще местные жители больше всего напоминали хорошо разваренные куриные ножки в набедренных повязках, только что из бульона.

Кое-кто работал на гороховом поле. Другие набирали воду из кипящих источников, чтобы хоть чуть остыла.

Посреди главной и единственной улицы сидел на табурете никто иной, как сам градоначальник Панамки господин Белуга.

– Вот кого нам не хватало! – обрадовался он, завидев кокпитана Гусиные Лапки. – Бедствуем без шеф-повара! Да и мясорубка кстати – горох проворачивать. А вы, похоже, папа Ваня? – кивнул слонёнку. – Отец Эле-Фантика?

– Напротив, я сын папы Вани – тот самый Эле-Фантик, – ответил слонёнок. К нему постепенно, обрывками, возвращалась память, даже девочка Маруся вернулась.

– Какая встреча! – подскочил господин Белуга. – Вот, значит, по ком моя Маруся все глаза повыплакала! Так возмужали, и не признать. А я тут недавно. Ураган Бык подхватил, когда выступал с трибуны. Мы на ней хорошо долетели. Все мои заместители, помощники, секретари, охрана... Да здесь все наши – панамкинцы! – Развёл руками. – Всюду, как говорится, жизнь! Всюду можно устроиться. Дел по горло, друзья. Шеф-повар с мясорубкой и младшим кухарем – на кухню, а вы, дорогой ушастик, возглавите пожарную команду на случай мелких вулканических...

– Погодите-погодите! – прервал Эле-Фантик извержение градоначальника. – У нас совершенно другие планы!

– Все планы должны быть согласованы со мной, – отрезал господин Белуга. – А ваше прозвище, кажется, «В каждой бочке затычка»?! Очень справедливое! Будьте, прошу, поскромнее. Моя Маруся полюбила вас именно за скромность и трудолюбие – помните об этом. А вообще-то, вижу, вы ей не пара!

Задиристый кухарь Чумичка уже нацелил в градоначальника мясорубку, но в это время где-то высоко над скалами послышался усталый вой. Потом засвистело во всех ущельях разом и, тяжело отдуваясь, всхрапывая, ввалился в кратер ураган Бык. Видно, он на славу поразбойничал и теперь еле ноги волочил. Так, бледное облачко, напоминающее телёнка. В небе таких – пруд пруди.

Он прополз среди хижин и улёгся на бок посреди кратера, в самом горячем месте, где то и дело прорывались грязевые фонтаны, вылетали искры и шипели, как змеи, газы.

Все поселенцы засуетились, поспешая с веерами и опахалами к облаку. А господин Белуга проворно распорядился, указывая каждому, какое место занять, и как сноровистей обмахивать Быка. Десятки рабов собрались вокруг облака, которое на глазах темнело, и внутри его зарождалось что-то фиолетово-сине-чёрное. В глубине мерцало и вспыхивало. Пробегали слабые, как ящерицы, молнии.

– К завтрашнему дню созреет, – крикнул кокпитан Гусиные Лапки. – Эти рабы – опальщики, как банщики с вениками, – стараются вовсю. Когда на ноги встанет да глаза откроет, начнут гонять по холодным ущельям, для крепости духа. Потом опять в парилку! Наберёт силу,

разгонится, и через тоннель, как бес из бутылки, вылетит, свирепый, на океанские просторы – разбойничать, бушевать, громить, пока сил хватает. Такая вот тут кухня!

– А почему бы его прямо сейчас не придушить!? – подмигнул Чумичка. – Видно, что дохловатый.

Гусиные Лапки махнул тапкой.

– Рабы не позволят. Да и сам ураган хитёр. Туп, но не глуп! Рассеется туманом, выпадет росой на скалах, а через пару дней вновь обернётся тучей грозовой. Бунтовщикам – молнию в живот. Или головой о камень. И весь винегрет с капустой! Бежать надо, пока не очухался!

В бочке затычка

Эле-Фантик всё повторял про себя всплывшее вдруг прозвище – «В каждой бочке затычка».

«Забавно! Из меня и вправду может выйти отменная затычка для какой-нибудь бочки. Или пробка для здоровенной бутылки», – слонёнок усмехнулся, представив огромный бочонок, где затычкой он сам, только хобот торчит.

– Чего, любезный, веселитесь? – спросил кокпитан. – Может, план побега поспел?

– Если честно, плана нету, – признался Эле-Фантик. – У меня в голове до сих пор большие пробелы, поскольку ураган вымел из неё всё небольшое, что было. Зацепилась каким-то боком одна арифметика, так что у меня с Быком свои счёты.

– Могу представить, как вы сочтётесь! – загоготал Гусиные Лапки. – Пока до десяти досчитаешь, он – до тысячи. Это я образно говорю, понятно?

Слонёнок кивнул:

– И я скажу образно – нет худа без добра! Ураган Бык так расстарался, что выдул из моей головы, наряду с прочим, страх. Образно говоря, – ничего не боюсь. А известные вам Куки с Паки, проживавшие в ушах, объяснили, что такое любовь и отвага. Думаю, этого достаточно для сражения с ураганом.

– Никак да! – воскликнул кухарь Чумичка. – Чудесный план! Сражение без плана, без страха, но с любовью и отвагой! Но где же будет поле боя?

И тогда Эле-Фантика осенило. Почти разом – и Эле, и Фантика!

– Это будет не поле, а образно говоря – бочка. Бочка боя! То есть тоннель, из которого ураган Бык вылетает на волю. Его надо крепко-накрепко заткнуть!

– Да, в этой мысли есть здоровое зерно, – кивнул Чумичка.

– И в этом здоровом зерне есть росток мысли, – согласился кокпитан. – Только следует прорастить и то, и другое.

И вот потихоньку, но старательно взращивая, они отправились в ущелье, из которого каменные ступени вели к бутылочному тоннелю.

А ураган Бык, подогреваемый вулканом, овеваемый всерами и опахалами, быстро уплотнялся, полёживая на боку. Уже появились знакомая лобасто-рогатая голова, тяжёлые копыта, прыткий хвост. Уже приоткрылся один багровый глаз, зорко оглядевший всё логово. На миг почудилось, – в тоннеле, откуда он выскакивает бичевать мир, бродят какие-то тени. Мрачное предчувствие пронизало короткой молнией с хвоста до рогов. Он вспомнил, что, как ни крути, нарушил-таки закон тринадцатого прощёного, погубив шхуну «Параундир». Но глупо ему опасаться и думать о судьбе и бедах!

Он – ураган Бык! Это его судьба. И это – чужие беды.

Ураган Бык прикрыл глаз и задремал, набираясь сил.

Проращивание мыслей

Ничего нет сложнее, чем взрастить хорошую мысль. Куда проще редкую розу, редчайшую орхидею или ананас за Полярным кругом. Того и гляди, мысль засохнет, нападут вредители, изглодают, как гусеницы капустный лист.

Однако иногда хорошая мысль прёт как подорожник, без всяких удобрений, пробивая всё на своём пути.

Так, к счастью, и произошло на этот раз. Простая мысль о затычке в тоннеле быстро обросла стратегическими листиками и тактическими цветочками, которые тут же превратились в зрелые плоды.

– Чем же будем заваливать выход? – задал неизбежный вопрос кухарь Чумичка. – Ураган всё сметёт с пути!

– Он сметёт то, что не будет сопротивляться, – сказал кокпитан Гусиные Лапки.

– Единственная надёжная затычка – это я, – шумно вздохнул Эле-Фантик. – Буду пробкой в бутылке, где застрянет этот бес – ураган Бык.

Кокпитан и кухарь спорить не стали. Обследовав тоннель и примерив к его горловине слонёнка, они поняли, что затычка, или пробка, всё же слабовата, много пустот – ураган Бык выбьет с первой попытки.

Пришлось спуститься на берег к разбитой шхуне «Параундир» за бананами с острова Колибри.

Пока они таскали гроздь на гору, Эле-Фантик размышлял, как именно затыкать выход из пещеры, – передом или задом. «И в том и в другом положении есть свои преимущества», – сказал Эле. «Конечно, зад унизил бы и, можно предположить, огорошил бы Быка, что всегда желательно в поединке», – рассудил Фантик. «Но в то же время лучше смотреть противнику в глаза и предугадывать его замыслы, – возразил Эле, – чего от зада сложно требовать!» «Он, бесспорно, менее чувствителен, но и не так сообразителен, – согласился Фантик. – С другой стороны, хобот и уши послужат оружием!» «И непременно пригодится хорошая метёлка, какая была у мамы Толстушки, – вспомнил Эле. – Она вызовет у Быка мучительные мысли о неполноценности!»

«Основная задача, – решил слонёнок, – внушить урагану, что он – ничтожество. Весь состоит из мелких дряблых ветерков, капелек воды и небольшого количества электричества».

Кокпитан с младшим кухарем занесли в пещеру все бананы и сложили пирамидой перед самым выходом. Рядом приставили прекрасную метлу из пальмовых листьев, в которую заплели ресторанные ножи и вилки.

Обнялись с Эле-Фантиком, пожелали удачи и, навалившись, пропихнули хоботом внутрь – в «бутылочное горло».

– Принимайтесь, любезный, за бананы! – услышал слонёнок наставления кокпитана. – У вас не так много времени, чтобы стать настоящей, невыбиваемой пробкой!

– Лопайте с кожурой! – советовал кухарь Чумичка. – А мы тут сзади подопрём!

Конечно, основная надежда всего замысла была на дикое бычье упрямство урагана, который ни за что не отступит, не повернёт назад, и будет биться до последнего – до полного истощения и опустошения. Кто, скажите, видел ураган или даже простого быка, пятящегося задом? Это крайне редкое, сказочное явление! Нет, тут всё было ясно – ураган Бык, да ещё в своём логове, будет сражаться, как полоумный, желая вырваться из пещеры.

Другое дело – кто истощится и опустошится первым? Он или Эле-Фантик...

Пока слонёнок уминал бананы, кокпитан с кухарем проверяли зазоры меж ним и стенками тоннеля. Их становилось всё меньше. И Гусиные Лапки с Чумичкой повеселели, отпуская

дурацкие корабельно-поварские шутки относительно пробок, затычек и корабельной кормы, которая на здешнем языке именуется – попой.

– Такой достойной попы нет ни у одного фрегата королевского флота! – гоготал Гусиные Лапки.

– Кто выбьет такую попу из бутылки!? – подбадривал младший кухарь. – Тут без штопора не обойтись!

В конце концов, эти крики привлекли стаю стервятников, которые, кружа и падая, как камни, так и норовили клюнуть и пощипать беззащитный зад Эле-Фантика.

Гусиные Лапки отбивался тапками, а Чумичка частями своей любимой мясорубки. Рассеяв стервятников, они уже не шутили. Сидели, отдуваясь, как после морского боя, под кормой Эле-Фантика.

А он тем временем возвращал самую важную мысль. Колибри Куки всегда говорила: «Кем ты себя представишь, тем и будешь на самом деле – если страстно пожелаешь». И вот теперь слонёнок старательно представлял себя пробкой, намертво засевшей в узком бутылочном горле, откуда её никакими силами не вышибить.

Эле-Фантик закрыл глаза и сразу понял, что мысль проросла на славу. Хотя он и слонёнок, однако – лучшая в мире пробка!

Пещерный бой

Эле-Фантик проглотил последний банан. Открыл глаза и увидел, что бледно-гноусоватый свет в конце пещеры померк. Зато во тьме мерцали лилово-серебряные вспышки. Искры, как золотые муравьи, бежали гуськом по отшлифованным стенам. Ощущался багровый, слегка удивлённый взор урагана Быка, его душное, тяжёлое дыхание.

Эле-Фантик успел схватить хоботом метлу и тут – началось!

Если ураган Бык когда и удивлялся, то на очень короткое время. Уже в третий раз он сталкивался лоб в лоб с этим слонёнком, оказавшимся на редкость живучим. Но теперь-то, нет сомнений, – ему конец!

Ураган Бык разогнался, как скорый поезд, и врезался в Эле-Фантика. Показалось, что в куст шиповника, – так схлопотал по морде колючей метёлкой. Но это его не отрезвило. Он и подумать не мог о каких-нибудь обходных манёврах.

Раз за разом с бешенством – налетал, насакивал, бодался, лягался, обрушивался всей только что накопленной мощью.

Однако же Эле-Фантик не сдвигался с места. Лишь щурил глаза и крутил хоботом с метлой.

Ураган Бык принялся швырять песок и мелкие камни – и это было ошибкой. На этот раз ему не удалось завладеть ушами и продуть, как следует, слонёнку голову. С засыпанными, забитыми ушами Эле-Фантик почти оглох и тем крепче ухватился за одну, но самую надёжную сейчас мысль – «я пробка в бутылке, и никому меня не вышибить!»

Невероятно силен и упорен был ураган Бык. От непрерывного воя, свиста, рёва, улюлюканья, шквалов ветра, бивших то справа, то слева, то прямо в лоб, от электрических уколов Эле-Фантик еле держался на ногах, но тоже трубил, выл, свистел, как мог, из последних сил.

Возможно, Быку хватило бы мощи и упрямства, чтобы выбить слонёнка из пещеры. Но его всё-таки подпирала сзади кокпитан с младшим кухарем – они упёрлись насмерть в корму Эле-Фантика и тоже орали какие-то разухабистые поварские песни.

От страшного пещерного рёва птицы устремились прочь, всплывала оглушённая рыба, и корабли меняли курс. А люди в кратере безнадёжно, как раки-отшельники, забились в щели под камнями.

Ещё бы немного ураганных усилий, и Эле-Фантик всё же вылетел бы из тоннеля, как пушечное ядро. Но сквозь мрачную круговерть он различил, что кто-то прикрывает его и спереде, принимая на себя самые страшные удары Быка, – какая-то рыжая и лохматая тень с кривыми бивнями. Похоже, дядька мамонт по маминой линии! Откуда он взялся, Эле-Фантик не мог представить – у пробки вообще плохо с воображением – скорее всего, прямо из сна...

Так или иначе, а все вместе они пока держались в бутылочном горле. Казалось, битва эта длится уже вечность. Эле-Фантик смутно припоминал, какими пробками были его папа и мама. Вроде бы мама была затычкой в бочке... Мысли его путались, но непременно вокруг пробок, самых прочных в мире.

Он и не сразу заметил, как ураган Бык начал слабеть, разваливаться на слабенькие ветерочки, подобные комнатным сквознякам. Для самого урагана это было так неожиданно, что он вдруг замычал, как жалкий перепуганный телёнок. Но отступить-то поздно! Эле-Фантик втянул хоботом все эти ничтожные ветерки, и от ужасного Быка, от урагана-разбойника осталась лишь кучка серо-чёрного песка под ногами.

Да, напрасно ураган Бык наплевал на закон о тринадцатом прощёном, напрасно не подумал о судьбе, которая не такая уж простушка, чтобы всё оставлять без возмездия.

Мир затих на миг, как это случается в предзакатный час, когда самое время подумать о будущем. А какое может быть будущее после полной, невиданной победы?! Только праздничное – прыгать, скакать, веселиться!

Так и поступили кокпитан с кухарем. Слышно было, как они распевают поварённый гимн о великой гречневой каше.

А Эле-Фантик не мог пошевелиться – так его раздуло от бананов и воздушных ошмётков урагана. Мысль о самой надёжной пробке продолжала работать на славу! «Такую пробку, – понял слонёнок, – не вышибить и дюжине ураганов. Что же делать?! Неужели и вправду понадобится штопор?» – подумал он с ужасом. И сразу немножко похудел.

– Неужели штопор?! – прошептал Эле-Фантик. И похудел ещё больше.

– Штопор?! – воскликнул он в третий раз, представив всю операцию. И похудел настолько, что кокпитан с кухарем, поднатужившись, вытащили его из пещеры за ноги, как огромный корнеплод.

Они обнимали и целовали Эле-Фантика, называя самым умным и героическим слоном.

А к нему, что уж совсем замечательно, вернулась разом вся прежняя память. Голова потрескивала от старых воспоминаний, которые, как кусочки мозаики, складывались в цельную картину, и от новых знаний, надутых сгоряча ураганом, – даже среднее, но повышенное образование и несколько иностранных языков поместились в голове, отчего она заметно потяжелела и стала хуже слышать.

Признаться, Эле-Фантик немного подоглох после битвы. То ли уши забиты песком и галькой, то ли всякими полезно-драгоценными сведениями. Словом, обвисли, как стирание белья на верёвке, и звуки слабо пробивались в голову.

– Пора домой! – протрубил он во всю мощь, как все тугослышащие. – Я очень соскучился по папе Ване, по маме Толстушке и по одной девочке, которую зовут Маруся!

– Как это трогательно, – уронил слезу кухарь Чумичка.

– Героика и лирика рядом – рука об руку, как в салате оливье, – согласился кокпитан Гусиные Лапки. – Но вот что меня ещё больше трогает – при осмотре пещеры был обнаружен в боковой нише сундук с драгоценностями, награбленными ураганом. Только что я снова заглянул в ту нишу. Увы, пустой, разбитый сундук! Необъяснимо и досадно!

Похоже, в каждой победе есть доля поражения.

– Никак нет! Думаю, ураган Бык всё проглотил, – вздохнул младший кухарь, умневший на глазах. – Для энергетической подпитки и от подлости характера!

Кокпитан задумчиво оглядел океан, небо и близлежащие скалы:

– Возможно, возможно. Всё возможно в этом мире. Однако я полагаю, что судьба даёт каждому столько, сколько считает нужным. Целый сундук – это, наверное, слишком для слона и двух кулинаров.

Он тяжело согнулся и вытащил из кармана на тапочке платок, увязанный узелком.

– Нам, видно, достаточно того немногого, – гоготнул Гусиные Лапки, – что я нашёл, просеяв остатки урагана через дуршлаг, – развернул платок, и под солнцем нежно затуманилось жемчужное ожерелье такого размера, будто на заказ для слониhi. – Мы поделим его справедливо. А теперь давайте думать, как покинуть этот вулкан, – того и гляди, взорвётся, что будет совсем не трогательно.

Трибуна

Они спустились в ущелье, заваленное хламом, среди которого возвышалась трибуна. Слоноёнок тут же взобрался на неё, и кокпитан с младшим кухарем уже приготовились выслушать победную речь, но Эле-Фантик протрубил кратко:

– Вот наш корабль! На нём возвратимся в родную Панамку!

– Трибуна так трибуна, – согласился Гусиные Лапки. – Я бы уплыл отсюда в кастрюле, на блюде для салата или на сковороде!

– Никак да! – воскликнул кухарь. – Да хоть в половнике! Лишь бы мясорубку не бросать.

– Вряд ли поместится, – возразил кокпитан. – Сперва надо местных жителей погрузить.

И они отправились в деревушку – выводить бывших рабов урагана. Те уже повыбрались из щелей, но пребывали в смятении. Куда идти? Почему? Зачем покидать лачуги?

– С собой ничего лишнего! – строго гоготал кокпитан. – Только веера и опахала!

Неожиданно господин Белуга поднял маленькую смуту. Точнее, – короткий скандал с препирательством.

– Куда это?! Что за порядки?! – от него даже мелкие, величиной с горох, шаровые молнии посыпались. – Только начали осваивать новые земли и вот – крушение надежд!

Градоначальник чуял, что теряет всякую власть в кратере вулкана, и ещё неизвестно, как встретят в Панамке, если, конечно, удастся туда добраться.

Однако ни его речь, ни шариковые молнии никого не взволновали. Все покорно поплелись в ущелье – выволакивать трибуну на берег океана. Ну, и господин Белуга следом, горестно вздыхая. Он вообще быстро привыкал к любой обстановке, и сейчас сильно затосковал, оставляя посевы гороха, горячие источники, лачуги и сам вулкан, с которым, как ему казалось, нашёл общий язык. «Чего-то теперь не хватает в этом мире, – думал господин Белуга, присев на камушек и оглядывая сквозь слёзы покинутую деревеньку. – С ураганом Быком этот мир был полнее! Да и как вулкан без присмотра! Мало ли чего выкинет?!»

Трибуну тем временем кое-как поставили на исковерканные велосипедные колёса, но они так восьмерили и подпрыгивали, что получался какой-то танец вприсядку на одном месте, – и никакого движения к океану. Трибуна упиралась, как градоначальник, не желая покидать ущелье.

Тогда-то и отличился внезапной остротой мысли младший кухарь Чумичка. Он приволок канат со шхуны «Параундир», один конец прицепил к трибуне, а другой заправил в мясорубку, надёжно вкопанную у кромки прибоя. Навалился на ручку, и трибуна волей-неволей, вихляясь, хромая и строя рожи, повлеклась к берегу, а из мясорубки потянулись тоненькие, как макароны, верёвочки. Дело всё же шло туго, и Эле-Фантик стал помогать, крутя ручку хоботом.

– У вас, Чумичка, не голова, а ...! – воскликнул кокпитан Гусиные Лапки, – целый котелок с борщом!

– Да что вы меня всё по фамилии, будто неродного!? Чумичка да Чумичка! – обиделся вдруг младший кухарь. – Уже не один пуд бананов вместе съели! Зовите по имени.

Кокпитан смутился:

– Прости, друг, за невнимательность и чёрствость. Произвожу тебя в заглавные кухарихухари! Как величать-то?

– Да просто – Чугунок! – расплылся Чумичка. – А по батюшке – Горшкович. У нас вся семья кухарит!

Меж тем трибуна, влекомая мясорубкой, уже выехала на берег, прямёхонько к разбитой шхуне «Параундир». В сравнении с ней трибуна выглядела так уверенно, как на центральной площади города Панамка. Даже господин Белуга приободрился и хотел было первым взойти.

– Ваше дело вееро-опахальное! – прикрикнул на него кокпитан Гусиные Лапки. – Живо в строй!

Все бывшие пленники урагана выстроились в две шеренги, с веерами и опахалами впережку. По команде кокпитана поднялись на трибуну, и расселись вдоль бортов.

Стало совсем тихо, как и полагается перед дальней дорогой. И тогда послышалось мрачное урчание из глубины вулкана, из самых недр. Кажется, он пробуждался ото сна.

Уже пора было отчаливать, выбирать все четыре якоря, да Чугунок куда-то запропастился. Эле-Фантик долго призывно трубил, и, наконец, кухарь-ухарь показался из ближайшего ущелья.

– Ни одной бутылки, чтобы разбить, как полагается, о борт, – сокрушался Чугунок.

Кокпитан мрачно крикнул в кулак:

– Да, это плохой знак спускать новое судно без бутылки!

– Где ж вы видели, чтоб об трибуну били бутылки!? – не сдержался господин Белуга. – Вот что подходит для трибуны! – И он извлёк из заплечного мешка графин со стаканом. – Хрустальные!

Грохнувшись о борт, они рассыпались радужно-звонко, как маленький нежный фейерверк.

– Превосходно! – воскликнул кокпитан. – Теперь нам ветер в руку и волна в попу – до самой до Панамки! Теперь это не просто трибуна, которых тысячи! Отныне это единственная в здешнем океане шхуна «Трибуна»!

Эле-Фантик дал отвальный гудок со свистом, и вся команда по бортам взмахнула веерами и опахалами. «Трибуна» медленно, с достоинством отвалила от берега. Грузная, тяжёлая, как танкер, разбивала волны тупым носом, будто утюжила океан.

– Прощай, старушка! – махал кокпитан половником разбитой шхуне «Параунидр». – Ты служила верой и правдой – на суше и на водах! И вся твоя жизнь..., – он запнулся и всхлипнул.

– Винегрет с капустой! – торжественно закончил Чугунок.

Вскоре у каждого возникло неодолимое желание произнести, хотя бы краткую, речь. Говорили по очереди, обращаясь в океанские дали, – к чайкам и дельфинам, к пеликанам и альбатросам, к солнцу, стоящему в зените, и к милостивым волнам. И глаза прояснялись, и забывали о рабстве у Быка, о дикой жизни в кратере вулкана. Вроде и не было такого. Просто вышли на морскую прогулку на шхуне «Трибуна», чего давно уж хотелось.

Все смотрели вперёд, на горизонт, за которым скрывалась покуда родная Панамка. И никто, за исключением кухаря-ухаря Чугунка, не оглядывался. А стоило бы!

Кухарь-ухарь-моторист

Позади над островом Быка всё выше и выше поднималось зарево. Чёрной лохматой тучей висел пепел. Вылетали, как метеориты, вулканические бомбы. По ущельям медленно и зловеще текла багровая лава, и слышно было, как оставленный всеми вулкан тяжело вздыхает и бормочет подземные заклинания.

И это понятно – как тут не пробудиться от тоски и одиночества? Взращивал горох, давал приют каким-то людям и силу урагану. Шла жизнь и вдруг – разом кончилась, оборвалась. Тут любой вздохнёт и плюнет в огорчении, как может. Стылся и плакал вулкан горячими слезами, надрывался. Да и плевался раскалёнными бомбами всё дальше – вот-вот накроет шхуну «Трибуна».

Так бы и случилось, если б не кухарь-ухарь Чугунок Горшкович по фамилии Чумичка. Он—то и поднял воздушную тревогу.

– Полный вперёд! – приказал кокпитан Гусиные Лапки. – Самый полный! Наиполнейший!

Команда из последних сил размахивала веерами и опахалами, но тяжёлая трибуна еле ползла. А вулканические бомбы обрушивались совсем рядом, осыпая твёрдыми, как бусины, брызгами.

– Спа-сай-ся, кто мо-жет, – тихонько бормотал господин Белуга, укрывшись веером.

– Я могу! – не расслышал всего Эле-Фантик. – Возьму на буксир!

Быстро сплели для него верёвочную сбрую, поводья укрепили на носу трибуны, и слонёнок нырнул в океан. Он старался плыть так быстро, как никогда в жизни не плавал, но выходило медленно, будто во сне, когда убегаешь от кого-то страшного, и никак-никак, едва шевелишься. Уши Эле-Фантика еле ворочались, забитые ураганом, тянули на дно, и ноги казались то ватными, то чугунными. Конечно, он очень устал после битвы с Быком!

Шхуна «Трибуна» пошла резвее, но недостаточно. А вулкан пристреливался, как в тире, и каждая следующая бомба ложилась ближе к цели.

Кухарь-ухарь Чугунок, упав на колени, твердил нараспев – три-буна – тра-бину – тир-буна – тру-бина!

– Отставить шаманские заклинания! – гаркнул кокпитан. – Погибать так с музыкой! И при параде!

Гусиные Лапки надел на голову праздничный дуршлаг, на плечи нацепил, вместо эполет, половники, а на живот – сковородку, на которой выбивал ложками известный прощальный марш «Уже всё съедено, и надо мыть посуду!»

– Никак нет! – вскрикнул Чугунок. – Тур-бина! Турбина! – И опрометью бросился на корму, прихватив мясорубку. Там ловко уместил её, как подвесной лодочный мотор, закрепив болтами на борту, и привычно крутанул рукоятку. За кормой вспенился океан, трибуна задрала нос и, подталкивая Эле-Фантика, рассекающего волны хоботом, устремилась вперёд, как быстросходный турбинный катер.

Уже вулкан остался далеко позади – какой-то мухоморный гриб, чёрная шляпка на огненно-оранжевой ножке, – а Чугунок всё крутил и крутил без усталости рукоятку мясорубки. Шхуна «Трибуна» летела, чуть касаясь океана, будто на подводных крыльях.

– Ну, брат Чугунок! – растроганно сказал кокпитан. – Теперь ты не просто кухарь-ухарь, а ещё и моторист! Твой папа Горшок должен тобой гордиться! Вот тебе самое дорогое, что у меня есть, – эта древняя семейная сковородка с моим гербом!

Счастливый кухарь-ухарь-моторист отдал честь и так крутанул рукоятку, что трибуна всё же оторвалась от воды и пролетела несколько миль над океаном, догоняя закатное солнце.

Последний привет

Настала полновесная ночь, когда так и тянет оттолкнуться и упорхнуть с земли к звёздам, в эту вогнутую бездонность. Вся команда так и поступила. Все спали, включая Эле-Фантика, кокпитана и кухаря-ухаря-моториста.

Раскалённая мясорубка остывала, и шхуна «Трибуна» без двигателя то ли шла потихоньку, то ли вообще замерла, прислушиваясь к невероятной тишине, за которой, по правде, всегда прячутся неожиданные звуки и события.

И вот блеснуло вдруг позади зарево на полнеба и пол-океана, а вскоре весь мир заполнил страшный долгий чёрный грохот без единого просвета. Уже казалось, это навсегда. Но постепенно стало слышно, как скрипят и гнутся доски палубы, и гвозди выскакивают, стрекоча, будто кузнечики, и сковорода с фамильным гербом гудит глубоким басом, и господин Белуга беззвучно мечет икру, и нарастает пронзительный нестерпимый воздушный свист в четыре дудки.

– Ложись!!! – заорал кокпитан Гусиные Лапки, затыкая уши.

Трибуна подпрыгнула от мощного удара, и свист оборвался, как ножницами чикнули. Обморочная ночная тишь нахлынула. Только на корме трепетало медное пламя. Эле-Фантик первым, набрав воды в хобот, бросился тушить, да замер. Медное, но не пламя! Это сияли, влепившись в борт, четыре знакомые буквы – У, Н, Д, И.

– Последний привет от нашей старушки «Параундир»! – подбежал взволнованный кокпитан. – Если добавить «НА», получится «Ундина», то есть русалка. Хорошее название для новой шхуны-ресторана! Мы теперь не усидим на берегу, обойдём на «Ундине» все океанские закоулки и тупички! Правда, Чугунок?

– Никак да! – воскликнул кухарь-ухарь. – Это добрый знак!

– Глупости! – подал голос бледный, почти прозрачный, как медуза, господин Белуга. – Вулкан – это пупок земли, завязанный в незапамятные времена! И это не к добру, когда он взрывается! «Ун-ди» – страшное предупреждение! На вулканическом языке означает, что один-два дня осталось до конца света! И нечего тут добавять...

– Могу добавить! – весело крикнул кокпитан. – У нашего градоначальника день-через день конец света!

Однако все на трибуне притихли и только смотрели, как угасает медное сияние букв, и звёзды, кажется, убегают всё дальше и дальше, оставляя на произвол судьбы маленькую землю.

Пупки земные и небесные

Эле-Фантик размышлял, что же будет, если пупок развяжется, – не вывернется ли земля наизнанку?

– Ничего страшного! – загоготал кокпитан Гусиные Лапки. – Откроются новые просторы! Земля наша будет совершенно плоской, как блин без начинки, – можно пройти от края до края и вниз заглянуть, кто там ходит?

– Всегда была плоской, – вмешался мрачный господин Белуга. – Плоская и складная, как этот веер... Вот скоро – раз-два! – и сложится...

– Никак нет! – кухарь-ухарь Чугунок давно уж хотел вставить слово. – Пупок никогда не развяжется! Вы видели, чтобы у кого-нибудь развязывался!?

В переполненной голове Эле-Фантика не помещались все эти рассуждения. Чтобы не выглядеть совсем отсталым, он спросил:

– Если есть пупок на земле, может, есть и на небе?

– А как же! Множество пупков! – прищурился на звёзды господин Белуга. – Но один всё же – главный. Где-то там, – указал он длинным пальцем на созвездие Льва.

– Не забивайте юноше голову! – крикнул кокпитан.

Но градоначальник не унимался. Расхаживал в ночи по палубе «Трибуны», приседал, подпрыгивал, взмахивал руками или плечом, будто отпихивал невидимое, а именно – толкал речь.

– Повсюду пупки! Небесные прикрывают и удерживают хаос и бездну. И у океана свой пуп, которым он дышит, поэтому приливы и отливы. Пупок – это всякое средоточие жизни. Когда что-то создано, требуется в последнюю очередь завязать на этом создании пупок – иначе никак нельзя! Всё расползётся!

Он подошёл к Эле-Фантику и доверительно шепнул на ухо:

– У меня, кстати, пупок двойного плетения, на долгие годы. У каждого на свой лад завязан. Чем крепче, тем дольше жизнь. Да, в пупке много чего заложено! Вот надави на свой и загадай любое желание – к примеру, хочу быть завтра в Панамке! Засыпай, и всё исполнится...

Слонёнок под шелест вееров и опахал и без того уже задрёмывал. В чёрном небе меж звёзд виделось ему множество дивных узорчатых пупков, за которыми скрывалось неведомо что – совсем другие миры, круглые, плоские, квадратные, треугольные и складные, как крылья колибри. Особенно пристально вглядывался Эле-Фантик в пупок созвездия Льва, и различил, наконец, за ним знакомые берега и город Панамку, и папу Ваню, и маму Толстушку с новой пальмовой метёлкой, и девочку Марусю – почему-то с хоботом и слоновьими ушами. Все стояли на пристани, поджидая шхуну «Трибуна».

Их не ждали

Многие, конечно, особенно господин Белуга, думали, подплывая ранним нежно-розовым утром к Панамке, что на причале уже собрался весь город – духовой и струнный оркестры, приветственные слова, сложенные из роз, хлеб да соль, ордена да медали...

Градоначальник припоминал речь, приснившуюся на шхуне «Трибуна», – таких правдивых и трогательных речей он в жизни не произносил. А сейчас пришлось бы кстати.

Однако по причалу метались лишь носильщики, ошарашенные надвигающейся трибуной с вееро-опахальной командой. Да несколько рыбаков спешно сматывали удочки.

Жизнь в Панамке шла своим чередом. Если кто и верил в чудесное возвращение унесённых ураганом, то старался не испытывать напрасно эту веру ежедневным хождением на берег моря и гляденьем до слёз на пустой горизонт. Если и ожидали, то дома, оберегая надежду.

Господин Белуга был очень раздосадован таким холодным приёмом. Он-то думал, – панамкинцы только и делают, что горестно торчат у берега по шею в воде, поджидая своего градоначальника.

– Вот вам и конец света! – ворчал господин Белуга. – Вернулись из дальних странствий, едва живы, и, представьте, – всем начхать!

– Мы же не по расписанию! – загоготал кокпитан. – Ни телеграммы, ни почтового голубя, ни бутылки от нас с запиской – мол, будем такого-то, во столько-то!

– Конечно, – кивнул градоначальник, – но кто-то за это должен ответить! Я введу новый закон – чтобы трибуны встречать ежедневно, круглосуточно, без всякого расписания.

Они уже пришвартовались, бросили все четыре якоря, и сходили на берег, обмахиваясь по привычке веерами и опахалами.

– Смотрите! Это же мой папа Ваня! – подбежал Эле-Фантик к ближайшему киоску, на котором красовался портрет в громадной панаме с подписью: «Папа Ваня знает, как носить нашу Панамку! С ним победим любой ураган!»

Папа Ваня был расклеен повсюду. Скромное выражение глаз под панамой, прикрывавшей уши. А из хобота струятся плакатные буквы: «Вот мы и заметили слона!»,

«Он выведет в люди!»

У господина Белуги перехватило дыхание:

– Конец света, – лепетал он. – Земля сложилась, и всё наизнанку. Переворот!

– Ничего подобного! Всё по правилам, – возразил какой-то невзрачный носильщик. – Папу Ваню единогласно избрали новым градоначальником. Может, вам чего поднести?

– Да-да, – прошептал господин Белуга. – Поднеси меня до дому...

Незаметно все прибывшие разбрелись по улицам Панамки – каждый в свою сторону. Только кокпитан Сковорода по прозвищу Гусиные Лапки и кухарь-ухарь Чугунок Горшкович остались на трибуне, прикидывая, возможно ли переделать её в океанский ресторан быстрого питания, хватит ли на это жемчужного ожерелья с острова Быка.

Мытьё ушей

Эле-Фантик брёл домой, как во сне. Он плохо слышал и соображал. С каждой стены глядел папа Ваня, какой-то усохший, как вяленый банан. Да и сам город Панамка заметно съёжился. Длинные улицы стали вдвое короче, а на короткие хватало трёх шагов.

Но когда завернул в свой двор, всё будто бы заново распахнулось, выросло и окрепло – на скамейке под фиговым деревом сидела мама Толстушка, похудевшая, но точь-в-точь такая, какая укладывала вечерами спать, а по утрам будила и подавала салат из свежей метёлки.

Подняв глаза и увидав родные уши, она бросилась к Эле-Фантику, как ураган, опрокинув скамейку и едва не сокрушив фиговое дерево, с которого обрушились все плоды, килограммов на сто. Так что и мама и Эле-Фантик сразу приобрели приятно-синеватый фиговый оттенок.

– Эле, – приговаривала мама Толстушка, нежно осыпая его пылью из хобота, как это делают все слоны в минуты восторга. – Эле! Я знала, я верила, как только поспеют фиги, сто килограммов, ты вернёшься, мой маленький Эле!

И дворовая пыль так ласково струилась с его ушей, хобота и спины, что Эле-Фантик чувствовал себя совсем маленьким – на одно ухо лечь, другим прикрыться.

Облепленный спелыми фигами, засыпанный пылью, он превратился в какой-то редкий фрукт – то ли в чиримойу, то ли в чилибуху, плоды которых вызревают на необитаемых островах.

– Эле, мальчик, пора помыться с дороги, – сказала мама Толстушка, увлекая за хобот. – У нас теперь есть такое место! – загадочно улыбалась она. – Такое место, где чудесно мыться после дальних странствий.

Эле-Фантик до сих пор плохо слышал – звуки доходили окольными путями, замедленные, таинственные, как во сне. А когда увидел огромную чёрно-мраморную ванну с золотыми буквами, то прямо так и спросил – не сон ли это?

Ох, и развеселилась же мама Толстушка! Успокоиться не могла до тех пор, пока ванна не наполнилась водой, и Эле не погрузился целиком, выставив хобот и растопырив уши. Эта ванна была примечательна ещё тем, что вода в ней не стояла спокойно, но имела течения и бурлила.

Уши Эле-Фантика затрепетали. В них что-то перекачивалось, постукивало и, наконец, хорошо размытое течением, посыпалось на дно ванны. Так, говорят, золотоискатели промывают в специальных корытцах песок и глину, отделяя чистое золото. А из ушей выпали на чёрное дно ванны, отблёскивая так и эдак, сверкая и томясь своим сиянием, – драгоценнейшие камни. Бриллианты, изумруды, сапфиры, рубины – вот чем забил уши слонёнка ураган Бык!

Ванна превратилась в сказочный царский ларец, в пиратский сундук. Эле-Фантик теперь хорошо слышал – как булькает, журчит вода, как постукивают камни, – зато онемел на некоторое время. И это понятно – далеко не у каждого из ушей, даже после долгих скитаний по миру, высыпается такое несметное сокровище. Если всё же сосчитать – не менее трёх десятков килограммов драгоценностей! Недаром папа Ваня говаривал, что в уши Эле-Фантика очень просто поместить по пуду ирисок.

«Сколько же ирисок можно закупить?» – подумал Эле. «Папе – пожарную машину-кабриолет с тремя брандспойтами!» – подсказал Фантик. «А маме – самоходный пылесос и золотую метёлку», – решили они вместе.

Кабачок и морковь

– Ты не заснул, мой маленький Эле? – приоткрыла мама дверь, просунув хобот. – Не могу удержаться! Ты только представь, наш папа Ваня – градоначальник! Он не хотел, но его выбрали, потому что много хороших качеств. Вместо того, которого ураган Бык уволок на трибуне. Помнишь, был такой господин Белуга? Ещё дочка у него, девочка Маруся.

– И что с ней!? – очнулся Эле-Фантик. – Как она?!

Мама Толстушка тяжело вздохнула:

– Вянет, увядает, как пучок укропа. Или, лучше сказать, как морковь! – всхлипнула мама. – Ты бы навестил, поблагодарил, ведь это Маруся упростила послать спасательную шхуну. Конечно, сыночек, она тебе не пара, но, люди говорят, по тебе сохнет...

– Почему же «не пара»?! – едва не захлебнулся слонёнок.

– Ну, Эле, что тут непонятного? – опять вздохнула мама. – Вообрази огромный кабачок и ту же морковь. Разве это пара?! Это разные виды. Ну, ты же знаешь – слон и моська! Это никакая не пара. Но поблагодарить за участие и заботу ты должен. По-дружески, как если бы кабачок благодарил морковь.

– Конечно! – ответил Эле-Фантик, вылезая из ванны. – Сейчас же сбегаю и скоро вернусь!

Живо собрал драгоценные камни, завернул в банное полосатое полотенце и, взвалив на спину, поспешил в гавань, к причалу, где стояла «Трибуна».

Куда глаза глядят

На улицах Панамки вовсю гуляли – город встречал победителей урагана. Эле-Фантика то и дело зазывали в разные компании, где рассказывали невероятные истории о битве с Быком – как рубили его саблями, кололи шпагами, палили из пушек, ружей и рогаток, забрасывали камнями, бомбами и шли врукопашную.

Героев оказалось множество – из тех, кто отсиживался в каменных щелях, укрывшись веером, и даже из тех, кто вообще не был в кратере вулкана. То получалось, что вспыхнуло восстание, ураган окружили, взяли в плен, а потом судили и казнили – камень на шею, и в океан. То выходило, что просто-напросто придушили во сне, как мелкого гада.

Интересно было послушать, но Эле-Фантик торопился. Протиснувшись сквозь толпу к трибуне, он увидел на самой её макушке, которую ещё сегодня утром называли «кокпитанский мостик», своего папу Ваню, махавшего хоботом, будто кулаком. Да, папа Ваня заметно постарел и скукожился, как кусок пемзы, – непонятно, то ли слон, похожий на человека, то ли человек с признаками слона. Конечно, он не мог разглядеть в толпе Эле-Фантика, но ведь давно уже знал о возвращении похищенных ураганом, и не примчался домой – вот что странно...

– Камень власти очень тяжёл, как бараньи котлеты на ночь! – услышал Эле-Фантик покрывание кокпитана Гусиные Лапки. – Кто его несёт, волей-неволей меняется, сам каменеет. Надеюсь, с вашим папой Ваней такого не случится. Однако дикция у него, что у пожарного насоса, ничего не разобрать...

«Может, это и к лучшему, – подумал слонёнок и ощутил груз драгоценных камней на спине, – Наверное, камень власти куда тяжелее».

Они сошли с причала и, пройдя по песчаному берегу, где Эле-Фантик, собирая ракушки, впервые столкнулся с ураганом Быком, остановились у громадного камня, напоминавшего диван. На нём сидел по-турецки кухарь-ухарь Чугунок и грустно чистил мясорубку.

– Все планы рухнули! – сказал он, едва не плача. – Трибуна стала памятником в честь окончательной победы над ураганом. А мы надеялись превратить её в кругосветный ресторан... Новый-то строить – не по карману!

Кокпитан смотрел на океан, который уже сливался с небом. Вдали, над причалом, вспыхивал разноцветный салют, и доносился праздничный шум.

– Такой вот винегрет с капустой! Не всё выходит, как задумываешь. Сколько на моём веку было блинов комом, подгоревшего рагу и убежавших каш! Остаётся поделить памятное ожерелье из пещеры Быка, да и разойтись, куда глаза глядят.

– Никак нет! У меня никуда не глядят, – закапризничал кухарь-ухарь. – Буду здесь сидеть, пока не умру!

Эле-Фантик приобнял Чугунка одним ухом, а хоботом скинул полосатый мешок со спины. Развязал узел, и на песке засверкала груда драгоценных камней. Казалось, нежатся под звёздным светом. Притягивают его и сами разжигают. Стало ясно, как днём. Будто выросла вдруг целая пальма радужного сияния. Будто фейерверк замер между небом и землёй!

И кокпитан с кухарем-ухарем замерли, как салют, выпучив глаза.

– Эти камни завоёваны в честном бою, – улыбнулся Эле-Фантик. – Моими ушами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.